

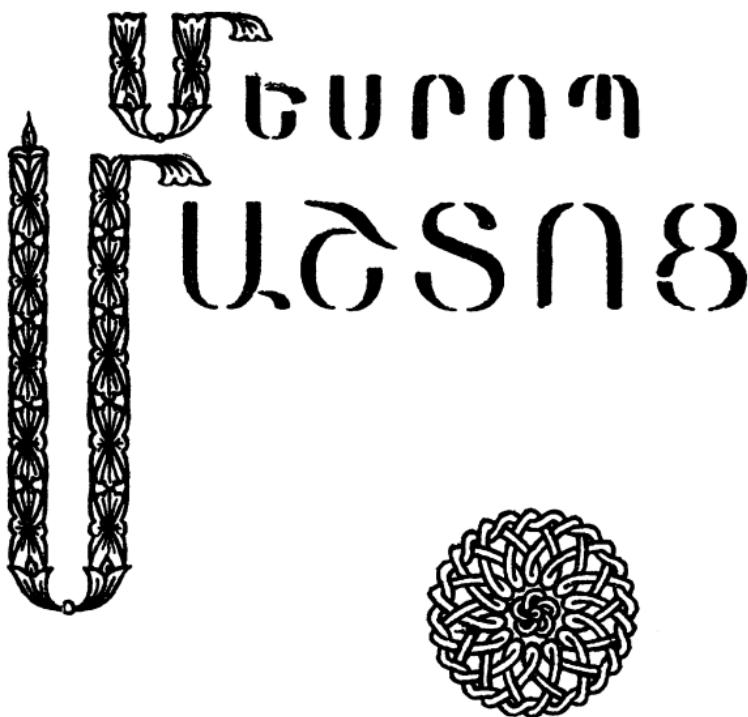

Посвящается
1600-ой годовщине
со дня рождения
гениального деятеля
армянской культуры

МЕСРОПА МАШТОЦА

Ա.Տ.ՄԵԼԻՔ-ԲԱԼԻՋԱՆԻ Թ:Խ.ՀԱՅԱԲՅԱՆ

Վ Ա Ց Ա Ս Ա Ն Ի
ՊԵՏԱԿԱՆ ՀՐԱՏԱՐԱԿՈՒԹՅՈՒՆ
Ե Ր Ե Վ Ա Ն
1962

С.Т.МЕЛИК-ВАХШЯН, Т.Х.АКОПЯН

АРМЯНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВРЕВАН
1962

В 1961 году исполнилось 1600 лет со дня рождения великого деятеля армянской науки и культуры Месропа Маштоца. Армянское государственное издательство, выпуская в свет научно-популярную брошюру С. Т. Мелик-Бахшяна и Т. Х. Акопяна «Месроп Маштоц», имеет целью ознакомить широкую читательскую общественность с жизнью и деятельностью основателя национальной армянской письменности. Авторы, учитывая характер брошюры, сознательно не касались лингвистико-филологических научных споров, нашедших отражение в арменоведении и связанных с Маштоцем, и в основном руководствовались общепринятыми положениями.

Месроп Маштоц

Рис. худ. С. Нерсесяна

Мы хотя народ небольшой, весьма малочисленный, слабосильный и часто находившийся под чужим господством, однако и в нашей стране многое совершено подвигов мужества, достойных внесения в летописи.

Мовсес Хоренаци, книга Первая, гл. III.

В многовековой истории армянского народа есть главы, составляющие блестящие звенья бесконечной цепи давних событий, которые и сегодня волнуют наше воображение и вызывают чувства законной гордости и восхищения. К их числу относятся, например, те великие освободительные войны, которые армянский народ вел с завоевателями Востока и Запада еще со времен седой древности.

В течение многих веков трудовой народ Армении во всех областях жизни создал огромные материальные ценности. Упорным

трудом он прорывал большие оросительные каналы, создавал искусственные озера и водохранилища, превращал в цветущие сады пустынные земли, разрабатывал богатые недра родной страны, изготавлял самые разнообразные изделия ремесленного производства. И по сей день вызывают наше изумление великолепные архитектурные памятники — храмы, крепости, мосты, дворцы, гостиницы, — воздвигнутые вдохновенным гением народных зодчих в Ване и Армавире, Кармир Блуре и Вагаршапате, Звартноце, Двине и Ани. Все это — замечательный вклад армянского народа в сокровищницу мировой науки и техники, зодчества и искусства.

В этом гигантском наследии, созданном многими поколениями армянского народа в течение тысячелетий, одно из важнейших мест принадлежит его письменной культуре, его богатой литературе, воспевавшей геройческое прошлое и освободительную борьбу народа и тем самым ставшей одной из самых надежных предпосылок его самобытного существования.

Начало армянской литературы на родном языке было заложено в конце IV — начале V веков нашей эры, благодаря созданию но-

вой общеармянской письменности—событию, открывшему светлую страницу в истории народа.

Создание нового общеармянского алфавита было тесно связано с социально-экономическими и политическими условиями существования армянского народа и потребностями армянской государственности. Поэтому для уяснения мотивов этого величайшего открытия следует разобраться в социально-экономической и политической жизни Армении IV—V вв.

В 60-х годах I в. н. э., спустя примерно 60 лет после падения царства Арташесидов, в Армении утверждается династия армянских Аршакидов, которая правит в стране более 350 лет. В царствование этой династии в общественной жизни Армении произошли коренные изменения.

В конце III в. Армения окончательно вступила в эпоху феодализма. В следующем столетии в стране насчитывалось несколько десятков феодальных княжеств — нахарарств, каждое из которых было наделено довольно обширными внутренними правами. Они имели собственные войска, гербы, системы налогов и податей, свои таможенные границы, особые традиции и обычай судопроизвод-

ства. Каждое нахарарство в соответствии со своими военными и политическими возможностями стремилось к расширению собственной территории и внутренних прав, к сохранению своей феодальной обособленности.

На этой почве и велась непрестанная борьба как между центральным правительством и нахарарами, так и между отдельными нахарарами. Эта борьба, которая вела к ослаблению военно-политической мощи страны, была особенно характерна для Армении IV века. Некоторые из аршакидских царей (Тиран, Аршак II, Пап и др.) пытались сломить сопротивление сильных и непокорных феодалов и усилить центральную власть, но их успехи были кратковременными и преходящими. В удобный момент нахарары вновь восставали против царской власти и отказывались признавать ее верховный суверенитет. Страна продолжала пребывать в состоянии феодальной раздробленности и истекала кровью от внутренних раздоров.

В первые века нашей эры для Армении были неблагоприятными и внешние условия. Начиная со времени Тиграна II, страна очутилась в положении буфера между двумя соперничавшими мировыми державами — парфянской Персией и Римом. Обе они стре-

мились подчинить своему исключительному влиянию Армению и тем самым добиться господства в Передней Азии. Это ожесточенное персидско-римское соперничество длилось несколько веков и наряду с внутренними феодальными междоусобицами в Армении явилась причиной упадка армянского государства.

Следует отметить, что в начальный период (с 1 в. н. э. до конца первой трети III в.) Рим по отношению к Армении занимал более агрессивную позицию, чем Персия. Последняя в своих планах по ликвидации влияния Рима на Ближнем Востоке и защиты здесь своих позиций в течение определенного времени рассматривала Армению скорее в качестве надежного союзника. Именно по этой причине парфянская Персия в одно время даже приняла участие в борьбе армян против Рима.

В первый период правления армянской династии Аршакидов позиция Рима в отношении Армении в целом оставалась прежней. Рим стремился захватить или подчинить ее своему влиянию, но после разгрома римской армии объединенными армяно-парфянскими войсками император Нерон стал довольство-

ваться правом только коронования армянского царя.

Что касается Персии, то после свержения там власти парфянских Аршакидов и восцарения династии Сасанидов позиция этой страны в отношении Армении в корне изменилась. Теперь уже Персия выступает в более агрессивной роли, а слабеющий Рим, наоборот, считает более выгодным для своих интересов прикрыться коварной личиной союзника Армении.

Для Аршакидской Армении IV век стал роковым. С 40-х годов этого века сасанидская Персия по непосредственной инициативе «царя-царей» Шапуха II предприняла ряд походов против Армении. Персидские войска, неоднократно вторгаясь в пределы нашей Родины, разрушали ее благоустроенные города — Ервандашат, Арташат, Нахичевань, Тигранакерт и др., вытаптывали ее сады и посевы, угоняли тысячи и тысячи людей, грабили сокровища страны. Но народ Армении, как и многие нахарары-патриоты, оказывал упорное сопротивление численно намного превосходившим силам захватчиков и не раз изгонял их из пределов страны.

Рим, внимательно следивший за этими событиями, исходя из своих политических вы-

год, время от времени оказывал помощь Армении в ее борьбе против Персии. Но тот же Рим при случае и сам прибегал к захватам на западных границах Армении и плел коварные интриги против армянских высших военных и государственных деятелей, добивавшихся подлинной независимости для своей страны. Так, в 60-х годах IV в., в ту суровую и тяжелую пору, когда армянский народ вел борьбу не на жизнь, а на смерть против грозных персидских армий, когда коварный и свирепый Шапух II, действуя вероломно, обрек на неминуемую гибель армянского царя Аршака II и убил храброго спарапета Армении Васака Мамиконяна, — Рим, воспользовавшись удобным моментом, занял ряд юго-западных районов Армении.

После захвата всей области Софены Византия предоставила небольшой военный отряд сыну Аршака II, Папу, который был провозглашен царем Армении. Он, опирясь главным образом на национальные силы страны, изгнал персов, которые продолжали занимать ряд районов Армении.

Однако впоследствии, когда персидские войска были разбиты и изгнаны с армянской территории и царь Пап потребовал от византийцев освободить занятые ими в 60-х годах

армянские земли, они с помощью своих вероломных военачальников организовали коварное убийство Папа.

Эти факты показывают, что врагом Армении являлась не только Персия, но и Византия, которая, однако, в отличие от первой умела часто искусно скрывать свои подлинные намерения. Обе эти державы преследовали одну и ту же цель — захватить Армению. Персия пыталась осуществить ее огнем и мечом, а Византия — посредством вероломной дипломатии.

Вековая персидско-римская борьба из-за Армении закончилась соглашением обеих враждующих сторон в 387 г. По этому соглашению ослабевшая в результате внутренних междоусобиц и тяжелой борьбы с иноземными захватчиками Армения была поделена между ними. Большая — восточная часть Армении — отошла к Персии, а меньшая — Западная, составлявшая около одной пятой территории армянского государства, попала под власть Византии. На некоторое время в Армении возникают два царства: Западное и Восточное.

Вскоре царство Западной Армении было упразднено византийцами, и оно стало счи-

таться непосредственной территорией Восточной Римской империи, хотя и здесь до VI века сохранились владельческие и иные права армянских феодалов.

В Восточной Армении, имевшей большой экономический, политический и военный потенциал, армянское царство на протяжении нескольких десятков лет продолжало еще сохранять свое существование. Этому способствовало и то обстоятельство, что в тот период при персидском дворе происходила ожесточенная внутренняя борьба и имели место заговоры, что не давало персам возможности окончательно подчинить себе Армению. Было совершенно очевидно, что равнодушие персидского двора к Армении было временным явлением. Логика событий подсказывала, что персидский двор, преодолев междоусобицы, попытается покончить с внутренней самостоятельностью Армении и будет проводить свирепую политику иранизации.

В этих тяжелых исторических условиях борьба против ассимиляторской политики Сасанидов становилась жизненной необходимостью для армян. Именно это обстоятельство и стало важнейшим мотивом для создания нового национального армянского алфавита. Ради сохранения своего языка, националь-

ных особенностей, внутренней самостоятельности, культуры и религии армянский народ должен был сражаться не только оружием войны и дипломатии, но и письменным словом, воинствующей патриотической литературой. Важное значение имел тот факт, что эта борьба была направлена не только против Персии, но и против Византийской империи, ассимиляторская политика которой в отношении армян преследовала те же далеко идущие цели.

В своих государственных делах и в религиозных обрядах армянский народ в течение веков вынужден был применять греческий и ассирийский алфавиты и письменность. Однако эта письменность не могла служить делу успешной борьбы народа против иноземных влияний и владычества. Необходимо было создать собственный общенациональный алфавит, тем более, что в различных областях разорванной надвое Армении персидские и византийские власти, каждая на своей территории, чинили препятствия для армян в применении греческой и ассирийской письменности.

В Византийской империи христианство считалось официальной, государственной религией, а несторианство, как христианская

ересь, отрицалось и подвергалось гонениям. В свою очередь сасаниды отвергали христианство и покровительствовали несторианству. Соответственно этому греческий язык, как язык враждебного Византийского государства, был запрещен в Персии, а ассирийский, напротив, был запрещен в империи, поскольку на этом языке проповедовали и распространяли свои взгляды несториане.

К этому надо добавить, что как греческий, так и ассирийский языки вообще были непонятны народу Армении. Что же касается персидского языка, то в Армении он был очень мало распространен, а после династических изменений, имевших место в Персии в 227 г., вследствие которых во главе персидского царства вместо парфянских Аршакидов встали Сасаниды, персидский язык был постепенно вытеснен и из среды армянского царского двора. Армянские аршакидские цари, происходившие из персидских парфянских Аршакидов, полностью обармянились и перестали вести свои внутренние официальные дела на персидском языке.

Другими важными мотивами создания нового армянского алфавита явились социальные и религиозные факторы, которые тесно

переплетались с указанными выше национальными и политическими мотивами.

Прошло уже более века с того времени, как в Армении официальной религией было признано христианство. В период введения христианства духовные отцы и пастыри этой религии при участии гражданских властей и войск разрушили многочисленные языческие храмы Армении, жестоко преследовали их жрецов и других языческих священнослужителей, предавая поруганию языческую религию. Во всех частях страны взамен языческих храмов и капищ основывались христианские церкви и монастыри. Повсюду проповедовалась христианская религиозная идеология, которая обслуживала и увековечивала существующий социальный строй.

Однако, чтобы искоренить из народной среды еще сильные остатки и пережитки старых языческих обычаяев и верований, христианской церкви следовало приложить много усилий. Во многих районах Армении, особенно в горных, большие массы народа продолжали почитать своих старых богов и сокращать в быту языческие обряды и обычай.

Своих целей христианская церковь могла достичь лишь посредством проповеди новых доктринальных на языке, понятном народу, т. е.

на родном ему языке. Для проповеди христианства на совершенном и благозвучном армянском языке необходимо было создать соответствующие этому языку письмена, необходимо было основать национальные школы, создать оригинальную и переводную литературу.

Таким образом, создание армянского алфавита и письменности стало неотложной потребностью времени. В нем были заинтересованы и государственно-административный аппарат, и народ, и христианская церковь. Армянская письменность и литература была необходима в качестве оружия для освободительной и идеологической борьбы против чуждых влияний, для ведения государственных дел, для утверждения христианства в народе.

Разрешением этой исторически необходимой задачи были озабочены такие выдающиеся деятели IV—V вв. как Месроп Маштоц, католикос Саак Партиев и царь Врамшапух. Следует отметить, однако, что католикос Саак и царь Врамшапух в вопросе создания и распространения национального алфавита выступали не в качестве авторов. Саак, который являлся одним из передовых церковных деятелей своего времени, вместе с Врамшапу-

хом дали только административный ход делу создания нового алфавита, автором же этого величайшего культурного открытия стал гениальный Месроп Маштоц.

Месроп Маштоц является одним из самых выдающихся и самых блестящих деятелей армянской культуры и науки. О его жизни и плодотворной деятельности с огромным восхищением рассказывают как современники Месропа Маштоца — его ученик и биограф Корюн, историки V в. Мовсес Хоренаци и Лазарь Парбеци, — так и авторы более поздних времен. Следует, однако, отметить, что среди первоисточников, относящихся к Месропу Маштоцу, первенство, безусловно, принадлежит книге Корюна. Труды же других авторов большей частью являются повторением Корюна, за исключением Мовсеса Хоренаци и Лазара Парбеци, сведения которых по ряду вопросов дополняют Корюна.

После смерти своего учителя — Месропа Маштоца — Корюн долго размышлял над тем, как достойно увековечить его память. Приме-

чательно, что идеяувековечения событий плодотворной жизни и деятельности Маштоца и сохранения его титанического облика для последующих поколений, помимо Корюна, занимала умы многих его современников. И все же Корюн оказался первым, кто смело взялся за жизнеописание своего великого наставника. Это было в 40-х годах V в., в период, когда армянский католикос Овсеп поручил Корюну написать для церкви житие Маштоца.

За свой труд Корюн принялся, вероятно, в 40-ые годы V в. Книга озаглавлена: «История жития и смерти блаженного человека, нашего переводчика святого Маштоца вардапета». Само название труда выявляет беспредельную любовь благодарного ученика к своему наставнику Месропу Маштоцу и благоговение перед его светлой памятью.

Биограф Маштоца по своему званию и занятию принадлежал к духовенству, и это обстоятельство наложило соответствующий отпечаток на его творение. Корюн в своей книге, естественно, больше всего останавливался на церковной и вообще религиозной деятельности Маштоца и сравнительно мало касается или упускает из виду другие важные стороны его жизни и деятельности. Поэтому ряд вопросов, относящихся к био-

графии Маштоца, и по сей день является предметом серьезных споров.

В разные времена на основе имевшихся источников о Месропе Маштоце было написано много исследований. Хотя в этих трудах порой и высказывались противоположные мнения по поводу того или иного факта биографии этого великого и замечательного человека, однако основные вехи его яркой жизни и плодотворной деятельности нам теперь хорошо известны.

Месроп Маштоц родился в исторической Армении, в провинции Тарон, области Туруберан, в селе Ацик¹ или Ацекац, вероятно, в 359 г. Отца его звали Вардан. В юном возрасте Месроп посещал одну из школ, открытых в стране еще во времена католикоса Нерсеса Великого и царя Аршака II. В школе будущий основатель армянской письменности особенно серьезно изучал греческий и ассирийский языки. Уже в начальный период

---

¹ Село Ацик просуществовало до 1915 г. В 1915 г. в результате организованных турецким правительством массовых зверских избиений армян и их насильственного выселения из Западной Армении это село, как сотни и тысячи других армянских сел, подверглось полному разрушению и уничтожению.

своего обучения он проявил такие недюжинные способности в учебе, что по его прибытии в тогдашнюю столицу Армении — Вагаршапат — в правление царя Хосрова IV (385 — 388) он был легко принят на службу во дворец Аршакидов в качестве военного и писца. Его непосредственным начальником был Араван, занимавший одну из высших государственных должностей в стране — должность азарапета.

Вот что говорит об этом Корюн: «Маштоц было имя тому человеку, которого мы упомянули в начале нашего повествования и о котором мы позабочились рассказать. Он был из провинции Тарон, из села Ацекац, сын блаженного человека по имени Вардан. В отроческом возрасте он обучался эллинской грамоте, (затем) добрался до двора Аршакидских царей Великой Армении, состоял при царском диване, став исполнителем приказаний царя во время некоего Аравана, азарапета нашей Армянской земли. Он был осведомлен о светских порядках и искусен в них, воинским искусством стал любезен своим военным. И там уже усердно, со вниманием, он следовал чтению божественных книг, чем вскоре и просветился, и усвоил их, проникнув в обстоятельства божеских на-

ставлений и украсив себя всяческой подготовкой, служил князьям».¹

Из этих строк Корюна ясно видно, что Вагаршапат был для Маштоца не только местом службы, но и школой его умственного развития и военного обучения. В дворцовых библиотеках и в матенадаранах² армянской столицы любознательный юноша целиком отдается чтению и усваивает все то, что было доступно ему в те годы. В Вагаршапате Месроп Маштоц занимается изучением богословия и христианского учения. Одновременно, близко соприкасаясь с высшими дворцовыми аристократическими кругами, он совершенствует также свои военные познания. Благодаря своим блестящим способностям и научной подготовке, а также своей большой добросовестности в несении службы, Месроп вскоре привлек внимание многих и стал пользоваться большим успехом.

В те времена в идеологической сфере безраздельно господствовала церковь. Основную часть существовавшей литературы составляли церковные и религиозные книги. Маштоц

---

¹ Корюн, Житие Маштоца, Ереван, 1941, стр. 37 (на арм. яз.)

² Хранилища рукописей.

изучает эти книги и, увлекаясь ими, начинает склоняться более к религии и церкви, нежели к светской жизни и военному поприщу. И вот, недолго пробыв на царской службе, Месроп тут же, в Вагаршапате, принимает монашеский сан и с группой своих учеников в начале 90-х годов IV в. отправляется в провинцию Гохтн, чтобы вести там жизнь подвижника и отшельника. Корюн, как и другие авторы, конкретно не упоминает место деятельности Месропа, но народное предание гласит, что он проживал на возвышенности около села Месропаванк пограничной с Гохтном провинции Ернджак. (Некоторые исследователи полагают, что Месропаванк должен соответствовать современному селу Мсрванис Ордубадского района Нахичеванской АССР).

Примечательно, однако, что Месроп Маштоц не долго вел подвижническую жизнь.

Он возвращается в общество. Этот важный перелом в нем произошел также не случайно. Еще с ранних лет Месроп знал жизнь своего народа, жизнь простых селян и горожан, он проникся их радостями и горестями. Этот могучий талант не мог уклониться от борьбы с косностью, несправедливостью, чужезем-

ным угнетением, отойти навсегда от жизни, замуровать себя в мрачных кельях отшельников и оставаться равнодушным к насущным потребностям своего родного народа, к его страданиям и лишениям.

Месроп вовсе не был намерен отказываться от активной деятельности. Об этом говорит и то обстоятельство, что он прибыл в Гохтн не один, а с группой учеников. Они должны были содействовать Маштоцу в его начинаниях. И действительно, в Гохтне мы видим Маштоца не созерцателем, а активным проповедником христианского учения среди народа. Вместе со своими учениками Маштоц обходит провинцию Гохтн. Повсюду он встречает хороший прием. Ему особенно покровительствует князь Шабит. Месроп ведет здесь активную борьбу с остатками языческой религии и с противоречащими христианству еретическими движениями.

Конечно, не следует забывать, что свое главное призвание и основной смысл своей деятельности Маштоц как активный церковный деятель видел в укреплении христианской религии, в упрочении основ и авторитета армянской церкви. Но вместе с тем, необходимо учесть, что в этом Месроп Маштоц усматривал одно из главных средств борьбы

против ассимиляции своего народа иноземными поработителями, а следовательно, и смысл своего служения народу.

А ассимиляторская политика персов и византийцев в отношении армянского народа проводилась не только посредством оружия, экономического и политического давления, но также путем внедрения в Армении чужой религии, чужого языка, письменности и литературы.

Как известно, христианство, ставшее государственной официальной религией в Армении с начала IV в., явилось идеологией господствовавшего феодального класса. Как таковое, оно было призвано содействовать укреплению основ феодальной монархии в Армении.

Однако вследствие отсутствия церковных книг на армянском языке христианская идеология проповедовалась не на национальном, армянском языке, а на чуждых народу — греческом и ассирийском. Армяне были вынуждены обучаться этим языкам. Правда, для обучения греческому и ассирийскому языкам и для усвоения основ новой религии народом еще во время царствования Аршака II усилениями католикоса Нерсеса Великого в Армении были открыты школы, но их было мало,

и они не могли удовлетворить потребности времени. И поэтому не удивительно, что до начала V века люди во многих местностях Армении исповедовали языческие культы. Ассирийский язык был настолько мало доступен, что даже духовенство затруднялось в понимании его.

И в этом была причина того, что, как свидетельствует историк IV в. Ф. Бузанд, в Армении христианское учение было принято «не сознательно, с надеждой и верой, как по-добало». С надеждой и верой могли его принять лишь те немногие, которые знали греческую или ассирийскую грамоту и понимали эту религию. Народ же не мог понять ее. Фавстос Бузанд пишет, что «множество нахараров и шинаканов не было знакомо с искусством этой грамоты» и что «если бы даже вардапеты днем и ночью подобно тучам проливали на них это учение в виде обильнейшего дождя,— и в этом случае ни один из них не сумел бы понять и удержать в своей памяти ни единого слова, ни полслова, ни ничтожной части, ни даже намека единого из услышанного».

В Армению хлынуло большое число ассирийских и греческих проповедников и священников. Они не только понемногу вытесняли

армянское духовенство, но и, распространяя свои языки, создавали серьезную опасность для самого существования армянского языка. Это явление, угрожая положению армянской церкви и армянского духовенства, одновременно грозило и самобытной культуре армянского народа вообще.

Месроп Маштоц, посещая различные местности страны, также был вынужден во время богослужений читать ассирийские церковные книги и переводить их текст на армянский язык.

Однако Месроп не был удовлетворен своей деятельностью: один человек не мог побывать везде и успешно распространять новое учение. Поэтому он искал иных путей. И вот как говорит Корюн: «Он задумал позаботиться об утешении всей земли (то есть Армении С. М.—Б., Т. А.) и был в волнении дум относительно того, какой найти выход из этого».¹

С тех пор все внимание Маштоца сосредоточилось на решении великой задачи — на открытии новых общеармянских букв и создании литературы на родном языке. Из свидетельства Корюна следует, что создание

---

¹ Корюн, Житие Маштоца, стр. 41.

собственной письменности и литературы Маштоц считал могущественнейшим средством для сохранения самобытности народа и его вековой культуры.

Для претворения в жизнь своего великого замысла Месропу следовало найти влиятельных и могущественных покровителей, которые могли бы помочь ему не одними лишь советами. Такими покровителями могли бы стать армянский католикос и царь.

Итак, полный ярких и заманчивых надежд, Месроп вскоре возвратился в Вагаршапат и поведал обо всем, что он видел и перечувствовал в своих недолгих странствиях католикосу Сааку Партеvu, человеку, который считался одним из образованнейших и умнейших людей в Армении и который пользовался громадным авторитетом и уважением в стране.

Внимательно выслушав Месропа, он изъявил свою готовность помочь ему и оказать всемерную помощь в деле создания армянских букв и литературы на родном языке. «И многие дни там посвятив тому же (вопросу), — пишет Корюн, — он затем прибыл, добрался до святого католикоса Великой Армении, имя которого было Саак и которого

он нашел согласным и готовым в отношении той же заботы»¹.

Содействие, оказанное Месропу Маштоцу таким влиятельным и авторитетным лицом, каким был Саак Партев, могло иметь для успеха дела большое значение. И с этих пор глава армянской церкви и Месроп Маштоц решают посвятить себя осуществлению этого благородного замысла.

Однако, одной инициативы армянской церкви было недостаточно, необходимо было получить также согласие и помочь царя. «И занялись они многими расспросами и исследованиями и много нужды претерпели они, а после о желанном ими дотоле деле дали знать царю Армянскому, имя которого было Врамшапух»¹, — говорит Корюн.

С этой целью Саак и Месроп явились к царю Армении Врамшапуху Аршакуни (389—414 гг.) и рассказали ему о своих соображениях относительно создания армянских письмен. Они просили царя Врамшапуха содействовать им в успешном выполнении этой задачи. Врамшапух, который и сам задумывался над этим вопросом, заявил Сааку и Мес-

---

¹ Корюн, Житие Маштоца, стр. 43.

ропу, что в бытность свою в Междуречье, куда он ездил по делам, ему сообщили о существовании у некоего ассирийского епископа Даниела каких-то армянских письменных знаков. Об этом Корюн говорит следующее: «И тогда монарх поведал им об одном человеке, знатном ассирийском епископе по имени Даниел, который вдруг нашел алфавит — знаки армянского языка».¹

Эта весть, сообщенная Врамшапухом, еще более воодушевила Месропа и Саака. По их просьбе Врамшапух немедленно отправил за буквами к Даниелу одного из своих соратников — Вагрича, с которым он был в Междуречье и который лично знал ассирийского епископа.

В Месопотамии Вагрич вначале посетил родственника Даниела — священника Абела — и рассказал ему о просьбе армянского царя. Затем они вдвоем явились к епископу Даниелу и сообщили о цели своего посещения. Ассирийский епископ выслушал Вагрича и согласился передать ему имевшиеся у него буквы. Однако, получив согласие Даниела, Вагрич не сразу возвратился на родину. Он еще некоторое время пробыл в Междуречье

---

¹ Корюн, Житие Маштоца, стр. 43.

у Даниела, знакомясь с этими новыми буквами, изучал способ их применения, и уже после этого привез буквы в Армению.

Отнюдь не случайно, что столь значительные лица армянского царства и армянского католикосата взялись за содействие такому важнейшему культурному мероприятию. Этот факт в значительной мере обусловлен политическими событиями того времени и взаимоотношениями Армении и Персии.

Дело в том, что после смерти персидского царя Шапуха II взаимоотношения крупной персидской знати, жрецов и новых властителей престола резко обострились. Некоторые из тех преемников Шапуха, которые пытались освободиться из-под диктата магов и крупной знати и проводить умеренную политику в отношении христианских народов, были убиты. Вследствие этого персидский двор в течение некоторого времени являл собой арену распрай, заговоров и убийств. Эти внутренние смуты не позволяли персам уделять достаточного внимания Армении. Поэтому в годы царствования армянского царя Врамшапуха персидский царь Яздгерд I вел миролюбивую политику в отношении христи-

ан и на этой почве постоянно сталкивался с магами и жрецами.

Таким было внешнеполитическое положение Армении в момент, когда Вагрич отбыл в Месопотамию. До его возвращения Саак Партев и Месроп Маштоц не теряли времени даром. Они провели в Армении значительную подготовительную работу, главной целью которой было создание условий для обучения новому алфавиту группы людей сразу же после возвращения Вагрича с тем, чтобы отправить их затем в различные области страны для распространения новой национальной письменности.

Возвращение Вагрича из Междуречья вызвало в Армении большую радость. По велению царя в разных местах страны срочно были открыты школы, в которых армянских детей обучали на родном языке.

Вот что пишет Корюн об этом: «И царь вместе со святым Сааком и Маштоцем возрадовались, получив буквы от Абела. Затем блаженные попечители, забрав (свое) нежданнооткрытое и желанное, вновь попросили у царя отроков, с помощью которых они смогли бы применить буквы. И когда многие из них обучились, то (царь) приказал повсюду

учить по тем же (буквам). Тем самым бла-
женный (то есть Маштоц С. М.—Б, Т. А.)
достиг прекрасной вардапетской (т. е. учи-
тельской С. М.—Б, Т. А.) степени и около
двух лет занимался своим учительским де-
лом и обучал по тем же буквам»¹.

Однако практика повседневной жизни
омрачила их радость. Двухлетнее обучение
в школах по новым буквам наглядно пока-
зало, что они в должной мере не отражают
всех фонетических особенностей армянского
языка.

«И когда постигли, — пишет Корюн, — что
эти буквы недостаточны для полного выраже-
ния сигобанов-связей армянского языка, —
тем более, что буквы эти они на самом деле
нашли забытыми в чужих грамотах и вновь
воскресшими, — то вновь вторично впали в
прежнюю заботу и в течение некоторого вре-
мени искали решения его»².

Дело осложнилось в такой степени, что
 дальнейшее обучение по этим буквам стало
 невозможным, и оно было приостановлено.
 Итак, вопрос создания новых, действительно
 полноценных армянских букв вновь оказал-

---

¹ Корюн, Житие Маштоца, стр. 47.

² Там же

ся столь же серьезным, как и до обнаружения письмен Даниела.

И вновь Месроп Маштоц взялся за разрешение сложной проблемы создания нового армянского алфавита. По поручению царя и католикоса Маштоц с группой учеников направился в начале 90-х гг. IV в. в Междуречье для кропотливой работы по созданию армянских букв в библиотеках и хранилищах рукописей в тогдашних известных культурных и научных центрах Ближнего Востока.

Вначале Месроп побывал в городе Амиде. Затем он прибыл в Эдессу и продолжал свои поиски и исследования в его знаменитых мактенадаранах. В обоих этих городах ему оказали радушный и почетный прием.

Первым делом Маштоц разделил прибывших вместе с ним учеников на две группы. Одну из них он оставил в Эдессе для глубокого изучения ассирийского языка, а другую группу послал в Самосату для овладения греческим. Это свидетельствует о том, что Маштоц придавал большое значение делу изучения языков двух соседних народов, имевших древнюю и большую культуру. Он посыпал своих учеников овладевать иностранными языками с тем, чтобы после создания новых армянских букв немедленно присту-

пить к переводам важнейших греческих, ассирийских и других книг на армянский язык.

Как видим, этот великий человек глубоко верил в успех своего предприятия, верил в свои силы. К сожалению, его биограф Корюн не сообщает нам подробностей пребывания и деятельности Месропа в Междуречье. Но из некоторых его намеков можно заключить, что Месроп был целиком увлечен своим делом и с большой энергией продолжал неустанные поиски. «И вот так он испытал много затруднений с тем, чтобы отыскать какую-либо добрую подмогу своей нации», — пишет Корюн.

Кропотливая работа Маштоца в Эдессе наконец увенчалась успехом. После многих волнений и упорных трудов ему удалось создать в окончательном виде армянские буквы. Однако, дело этим не кончилось. Необходимо было дать буквам новые определенные названия (айб, бен, гим, да и т. д.), расположить их в соответствующей очередности и затем отыскать наиболее простые способы их чтения и усвоения, определить направление письма (слева направо и т. д.).

Эти вопросы Месроп Маштоц также решил с большим успехом и в короткий срок.

Великая научная заслуга Маштоца заключалась именно в том, что он выделил в армянском языке отдельные звуки, изобрел их буквенные изображения и сумел определить удобный и легкий способ применения этих букв. Он талантливо определил направление и наклон в начертании новых букв, способ их чтения по слогам и связям, наиболее красивое изображение букв, их высоту и т. д.

Таким образом, в армянской действительности лишь одному Месропу Маштоцу было суждено окончательно решить все сложные проблемы, связанные с созданием новых армянских букв, решить их гениально и в столь совершенном виде, что эти буквы вот уже более 1550 лет без каких-либо существенных изменений полностью удовлетворяют все потребности армянского языка, выражают всю его благозвучность и лингвистические особенности, в то время как многие народы за более короткий срок не раз меняли свой алфавит.

Это открытие Месропа Маштоца, имевшее величайшее значение для развития культуры армянского народа, было высоко оценено как его современниками, так и последующими поколениями. Он явился одним из немно-

гих счастливых представителей культуры, которые еще при жизни были удостоены признания и великой славы.

Церковь без колебаний причислила Месропа Маштоца к лику святых. В древности, как и в средневековье, ни одно великое человеческое предприятие с точки зрения церкви не могло быть приписано одному лишь человеческому разуму. Но поскольку великое творение Маштоца действительно считалось подвигом, то церковь распространяла убеждение, что этот подвиг есть проявление «божьего всемогущества». Бог же мог быть благосклонен лишь к «святым» смертным, приемлющим его благодать и предназначение. Потому не удивительно, что все летописцы, повествующие о Маштоце, утверждают, что он открыл армянские буквы, якобы лишь благодаря небесной благости, благодаря чудесному вмешательству бога.

Представление о письменности и литературе как о священном предмете сохранилось в армянском народе в течение долгого времени. Даже те, кто не умел читать и писать, тем не менее считали книгу святыней и всеми средствами старались оберегать ее. Многочисленны случаи, когда во время войн, на-

шествий и других грозных бедствий, выпавших на долю Армении, армянин, бросив все, спасал рукописный пергамент и не жалел огромных средств для выкупа похищенных врагами книг и рукописей. И в новое время, в годы первой мировой войны, когда турецкие погромщики и изверги терзали Западную Армению, армяне, чудом уцелевшие от резни, наряду со своими детьми и драгоценными предметами в первую очередь спасали от уничтожения старинные рукописи.

Изобретение букв во все времена и у всех народов рассматривалось как одно из величайших достижений человеческого ума. Письмена в огромной степени содействовали умственному развитию человека, давали ему возможность записать свои знания и передать их последующим поколениям. Не случайно, что один из крупных мыслителей древности Платон изобретение букв считал среди других человеческих творений величайшим подвигом, а создателя букв — богом или богоподобным существом.

После успешного завершения своего предприятия в Эдессе Маштоц прибыл в город Самосату, находившийся на юго-западной границе Армении, на берегу Евфрата, и входивший в состав Византийской империи.

Здесь он придал окончательный вид изобретенному им алфавиту и отшлифовал его.

Созданные Месропом Маштоцем общearмянские буквы с течением времени, конечно, подверглись некоторым изменениям внешнего, графического порядка, они приспосабливались, в частности, к потребностям скорописи и экономии материалов, используемых при письме — пергамента, бумаги, чернил, красок и т. д.

К сожалению, время, и особенно бесчисленные невзгоды, являвшиеся длительное время уделом армянского народа, уничтожили большую часть армянских письменных памятников, относящихся непосредственно ко времени жизни Месропа Маштоца. Однако в ряде древних армянских рукописей, как и в надписях, сделанных на камнях, сохранились армянские буквы V в.

В наших летописях эти древнейшие формы армянских букв носят одно общее название — «еркатагир» — «железные письмена». Как предполагают, это наименование возникло в связи с тем, что раньше люди изготавливали чернила из железной ржавчины, или же в связи с тем, что в те времена учились писать

на восковых дощечках, используя в качестве перьев железные прутья.

После успешного выполнения своей титанической задачи Месроп вместе со своими учениками — Ованом Екегеци и Овсепом Пагнаци немедленно взялся за осуществление другой — за перевод Библии. Перевод был начат с раздела «Прич Соломона». Но выполнение этой задачи, несомненно, требовало немало времени, а Месроп не мог долго задерживаться в Самосате. Поэтому, еще не закончив перевода Библии, Месроп вместе с частью своих учеников спешит на родину.

Весть о его приезде немедленно распространилась по Армении, и люди со всех концов страны собрались в столицу Вагаршапат, чтобы достойно встретить и чествовать великого просветителя. Он прибыл в Вагаршапат в 396 г. Царь и католикос со своими свитами и вместе с представителями нахараров и народом выехали из столицы навстречу Маштоцу на берег Аракса.

Встреча народа с Месропом Маштоцем произошла в условиях всеобщего ликования, в очень торжественной обстановке. Он был с почетом препровожден в Вагаршапат, где несколько дней подряд продолжались празднества и представления в честь великого че-

ловека и великого открытия. Очевидец событий Корюн с волнением описывает этот большой прием: «И затем, когда достойный упоминания (т. е. Месроп С. М. — Б, Т. А.) прибыл, приблизился к царскому городу, сообщили об этом царю и святому епископу. Взяв с собой все множество нахарарской знати, они вышли из города и на берегу реки Рах встретили блаженного. И передав друг другу желанное приветствие, они отсюда, при возгласах ликования и с духовными песнями и громогласными благословениями возвратились в город и с праздничной радостью провели дни»¹.

Однако неутомимому воину армянской культуры Месропу Маштоцу не было суждено долго оставаться на одном месте. Уже в самом начале жизненного пути он выбрал для себя путь беспокойного и творческого труда. И на этот раз, немного отдохнув, Месроп выехал в различные местности Армении с целью открытия школ и обучения армянских детей грамоте родного языка.

Одновременно вместе с Сааком Парцевом и другими своими соратниками, он развернул энергичную деятельность в области перево-

---

¹ Корюн, Житие Маштоца, стр. 55.

дов важнейших книг на армянский язык. Во время своих путешествий Месроп побывал также в Грузии и Албании, где он принял самое деятельное участие в деле создания алфавита для братских народов этих стран. Это обстоятельство свидетельствует о вековом культурном сотрудничестве народов Закавказья и об общности их исторических судеб.

Месроп Маштоц прожил 81 год. Он скончался 17 февраля 440 г. в столице Армении Вагаршапате. Смерть этого крупнейшего представителя армянской культуры вызвала глубочайшую скорбь среди всех общественных слоев страны.

В большом волнении находилась и армянская знать. Каждый из нахараров добивался для себя великой чести, стремясь к тому, чтобы именно в его владениях был похоронен великий человек. Победителем в этих спорах оказался азарапет Армении Ваган Аматуни, который в то время владел провинцией Арагацотн области Айрапат. Местом погребения Месропа в провинции Арагацотн было выбрано село Ошакан.

В церемонии похорон Месропа Маштоца участвовали огромные массы народа, духовенство и нахарары. Вся Армения оплакива-

ла эту тяжелую утрату. Похоронная процес-
сия из Вагаршапата двинулась в Ошакан.
Корюн так описывает похороны Месропа:
«Ваган и Амаяк взяли его (Месропа) — с
приготовлениями для умершего, с пением
сагмосов, с благословлением и с духовным
воодушевлением, с зажженными лампадами
и пылающими факелами и благоухающим
ладаном, и со всеми лучезарными канделяб-
рами и... поднялись к Ошакану и там поло-
жили в усыпальницу, воздали по закону па-
мяти его... По прошествии трех лет Вагану
Аматуни удалось... воздвигнуть дивный храм
из вытесанных, с резьбой, камней, и внутри
храма он выстроил могилу святого»¹.

Исследователей проблемы армянского ал-
фавита всегда волновали некоторые важные
вопросы, и по их поводу часто высказыва-
лись совершенно противоположные мнения.
Основной причиной подобных разногласий
следует считать недостаточность и половинча-
тость свидетельств, которые сообщают дошед-
шие до нас источники.

Так, например, в арменоведении часто
спорили относительно того, существовали ли
на самом деле до Месропа Маштоца армян-

---

¹ Корюн, Житие Маштоца, стр. 95.

ская письменность и литература? Или же -- были ли даниеловские письмена творением епископа Даниела или их создали неизвестные священники из ассирийцев, проживавшие у юго-западных границ Армении? Спорным являлся и вопрос о том, на основании каких письмен создавал Месроп свои буквы.

Следует отметить, что во время своих поисков Месроп Маштоц, несомненно, использовал буквы алфавитов, принадлежавших современным ему народам, и среди них, возможно, и знакомые ему даниеловские письмена. Но это обстоятельство отнюдь не преуменьшает авторства Месропа и не снижает огромной ценности его открытия.

В истории письменности ни один алфавит не является результатом сугубо индивидуального творчества. Специалисты считают, что буквы разных народов с определенными видоизменениями и переработкой наследовали друг другу. Изобретателями алфавитной системы считаются евреи. Открытые ими буквы перешли затем к финикийцам, а от них — к грекам. Впоследствии буквы у греков переняли римляне и, наконец, от римлян они перешли к европейским и другим народам.

Если это так, то вовсе не исключено, что Месроп Маштоц при создании армянского

алфавита мог использовать эти известные ему алфавиты. Подробные исследования и сравнения различных алфавитов привели ряд ученых к тому заключению, что Маштоц в основном опирался на греческие буквы и руководствовался системой греческого алфавита.

Но если даже армянские буквы созданы им на основе греческих, то и в этом случае они имеют строго подчеркнутую самобытность и своеобразные формы внешнего графического изображения, которые присущи лишь армянским письменам.

В творчестве Месропа Маштоца важно не то, на какой основе он создал новые армянские буквы, а то, что своим гениальным изобретением он открыл огромные возможности для развития самобытной национальной письменности и литературы. Его творение в руках армянского народа превратилось в могучее идеологическое оружие в вековой освободительной борьбе против иноземных поработителей.

Маштоц всей своей творческой жизнью и своим великим открытием навсегда обессмертил себя в памяти армянского народа.

***

Крупнейшее открытие стало фактом. Были созданы новые армянские буквы. Они полностью соответствовали фонетическим особенностям армянского языка. Однако создание письмен не являлось самоцелью. Изобретение алфавита рассматривалось Месропом как необходимая предпосылка для закладки таких основ национальной культуры, как школы, оригинальная и переводная литература и т. д. Конечно, для армянского народа, цивилизация которого к тому времени насчитывала уже многие века, школы вовсе не являлись новостью.

Еще в языческой Армении в храмах и капищах жрецы занимались обучением. В период царствования династий Арташесидов и Аршакидов в Армении имелось немало знающих, грамотных светских и духовных лиц, получивших эллинистическое, ассирийское и персидское образование. После введения христианства в Армении для распространения в стране догматов и идей этой религии и искоренения остатков языческих культов при многих монастырях также открылись школы. Особую энергию и предприимчивость проявил в этом деле в IV в. католикос Нерсес.

На основе положения, разработанного Нерсесом, монахи были обязаны заниматься своим образованием и быть грамотными. Основанные Нерсесом тогда монастыри также играли роль школ.

Вначале в этих школах армянское духовенство обучалось греческому и ассирийскому языкам. Однако теперь, после изобретения армянских букв, Месроп Маштоц и католикос Саак Парцев, как и некоторые другие деятели, были серьезно озабочены проблемой обучения духовенства и народа на родном языке. Они исходили также из необходимости проповеди христианской идеологии в стране на армянском языке.

Поэтому прежние греко-ассирийские школы необходимо было в срочном порядке преобразовать в армянские. В различных местах страны требовалось открыть новые школы. Следует учесть, что христианская церковь была сильно заинтересована в полном уничтожении остатков язычества, равно как и в ликвидации ересей, которые под своеобразной религиозной оболочкой отражали протест народных масс против социального угнетения и социальной несправедливости.

И вот вновь Месроп Маштоц, как в былые годы, путешествует по различным провинци-

ям и областям страны — по Гохтну, Сюнику — и основывает при монастырях армянские школы. Первая образцовая школа была основана в самой столице — Вагаршапате.

На основе переводной литературы и первых пособий, написанных на армянском языке, Месроп и его ученики без устали обучали армян родной грамоте. Поначалу учащимися первых армянских школ являлись преимущественно духовные лица различных рангов, которые обязаны были уметь читать церковные книги. Другими словами, первые армянские школы готовили как церковных проповедников, так и грамотных людей для переписывания новых рукописей.

В этот период Месроп Маштоц выступал не только как основатель школ, но и как учитель. И действительно, он явился первым великим учителем в армянской действительности, человеком, который, преодолев ценой больших усилий многочисленные преграды, вдохнул качественно новую жизнь в дело народного просвещения. Как в вопросе создания армянского алфавита, так и в деле открытия армянских школ и обучения жителей страны на родном языке Месропу оказывал большую помощь и покровительство католикос Саак Партев.

Просветительская деятельность Месропа Маштоца не ограничивалась Восточной Арменией. Открыв здесь ряд школ, он намеревался сделать то же самое в Западной Армении, бывшей тогда под властью Восточной Римской империи.

Несгибаемый деятель армянской культуры, презрев всякого рода опасности и трудности, отправился в Западную Армению и попросил у тамошних византийских властей разрешения на основание армянских школ. Однако императорские чиновники отказали Месропу в его просьбе. Он был вынужден лично отправиться в столицу Византии — Константинополь для ведения переговоров с самим императором.

Вопрос об основании армянских школ в Западной Армении имел важнейшее значение с точки зрения защиты языка и культуры западной ветви армян от греческого влияния и ее приобщения к политической и культурной жизни всего армянского народа.

Следует отметить, что постоянное соперничество Персии с Византией в Армении вынуждало правящие византийские круги идти навстречу требованию Маштоца в целях предотвращения возможной переориентации западных армянских областей на Персию. В

этих условиях переговоры Маштоца с византийским императором увенчались успехом, и Маштоц получил право открыть армянские школы также в Западной Армении.

Закончив свою трудную миссию в Константинополе, Маштоц возвратился в Западную Армению и основал здесь ряд армянских школ, назначив учителями своих способных учеников. После этого Маштоц вернулся в Вагаршапат.

Если вначале школы, основанные Месропом Маштоцем, ограничивались скромной функцией обучения церковников грамоте, то вскоре они прогрессировали, превратившись в крупные очаги культуры феодальной Армении. Некоторые из этих монастырских школ, как и ряд школ, открытых в последующие столетия, превратились в учебные заведения более высокого типа—академии. Многие выпускники этих академий оставили большое наследие в историографии, философии, математике, астрономии, медицине, музыке и в других областях науки и культуры Армении. И хотя в дальнейшем в истории армянского народа было немало тяжелых периодов, когда иноземные завоеватели до основания разрушали цветущие города и другие поселения Армении, ее замки, монастыри, храмы, но

даже и в эти ужасные времена школьная жизнь в нашей стране фактически не прерывалась — настолько сильна была тяга народа к знаниям, к свету.

В основанных Месропом армянских школах обучение велось на грабаре — общенародном древнеармянском литературном языке, основой которого был, вероятно, диалект Остана, Арагацотна, Мазаза, Котайка — главных провинций области Айрарат — центра политической, экономической, культурной и духовной жизни страны.

Как было сказано выше, армянская письменность и армянские монастырские школы рассматривались Месропом Маштоцем и Саком Партевом прежде всего как средство обучения церковников грамоте для успешной проповеди новой христианской религии и морали среди народа, а также для совершения церковных обрядов на родном языке. Поэтому наряду с открытием первых национальных школ они проявили большую заботу о создании школьных рукописей.

Характер школ, основанных Месропом и его современниками, свидетельствовал, что первыми пособиями для них должны были быть церковные книги и, в первую очередь, Библия. Уже издавна в монастырях и церк-

вах Армении использовалась Библия и другие церковные книги на греческом и ассирийском языках. Ныне, с изобретением армянского алфавита, создалась, наконец, возможность для перевода этих книг на армянский язык.

Именно с этого времени и начинается переводческая деятельность в Армении. Она сразу же приобрела большой размах. Переводами занялись и Месроп, и Саак, и их первые ученики — Овсеп Вайоцдзореци, герой войны Варданидов — Гевонд Ерец, Ован Екегеци, Овсеп Пагнаци, видный философ Езник Кохбаци, Корюн и другие. В этот месроповский период и появляется многочисленная плеяда замечательных и блестящих переводчиков, каждый из которых внес свой вклад в сокровищницу переводной литературы. Переводы в основном делались с греческого и ассирийского.

Вместе с Библией были переведены также посвященные ей различные комментарии, молитвы, догматические труды. Талантливые армянские переводчики провели также большую работу в интересах просвещения своего народа в области философии, риторики, грамматики, истории. В конце IV и начале V в. осуществляется ряд ценных перево-

дов на армянский язык в этих областях. Среди первых переведенных выдающихся исторических произведений можно, например, отметить «Хронику» и «Церковную историю» Евсевия Кесарийского.

За каких-нибудь три-четыре десятилетия в Армении появляется большая группа переводчиков, которая создает богатую переводную литературу церковного и светского характера. Благодаря этому, и особенно вследствие появления в тот же период оригинальной армянской литературы, армянский язык совершенствуется, становится более гибким, благозвучным и по яркости и многообразию выразительных средств уже в V веке достигает очень высокого уровня развития.

Говоря о многих талантливых армянских переводчиках, мы вновь должны отдать пальму первенства Месропу Маштоцу и Сааку Партеву. Они являлись не только блестящими переводчиками греческой и ассирийской литературы, но и учителями и воспитателями первых армянских переводчиков. Особенно выдающимся является вклад Саака Партева, разносторонне развитого человека и замечательного знатока многих языков.

С целью стимулирования переводческой деятельности Месроп и Саак периодически

отправляли в культурные центры соседних стран многих способных армянских юношей. По завершению образования они возвращались в Армению и включались в дело развития отечественной литературы и науки.

Эти заслуги Месропа, Саака и их учеников очень велики. В частности, сделанные ими переводы были столь совершенны, что почти не уступали оригиналам. Более того, с V века до нас дошли такие переводные произведения, армянские варианты которых по сравнению с оригиналами имеют даже некоторые значительные преимущества. Среди подобного рода переводов первое место по праву занимает Библия. Ее армянский перевод, бесспорно, превосходит многие переводы Библии на других языках. Этот перевод был столь совершенным, что он используется и теперь без изменений и нового редактирования.

Конечно, создание переводной литературы не было единственной главной целью зачинателей нашей литературы — Месропа Маштоца, Саака Партева и их достойных учеников. Переводная литература служила для них своего рода трамплином, важной предпосылкой в великом деле создания национальной литературы, целиком соответствующей историческим условиям существования родной страны.

И, действительно, почти одновременно с переводами возникают и оригинальные армянские труды. Первые авторы армянской литературы Саак и Месроп и их два ученика Езник и Корюн оставили нам множество канонов, писем, речей, возражений, исторических или агиографических произведений. Каноны и письма принадлежат в основном перу Саака Партева, а речи — Месропу Маштоцу.

Возражения, имевшие философско-догматический характер, оставил философ Езник Кохбаци. Его труд носит название «Отрицание ересей» и в основном направлен против основ персидской религии зороастризма. Автором первого армянского произведения агиографического и исторического характера считается ученик Месропа — Корюн. Последний, помимо биографии своего учителя, написал также несколько других произведений.

В своей знаменитой книге, посвященной любимому наставнику, Корюн детально и с огромной теплотой рассказывает о всех основных событиях, связанных с жизнью и деятельностью Месропа Маштоца. Примечательно, что этот выдающийся труд Корюна считается первым историческим произведе-

нием, написанным новыми армянскими буквами.

Вслед за Корюном, в V в., в армянской действительности друг за другом появляются такие выдающиеся армянские историки, как Агатангехос, Фавстос Бузанд, Егише, Лазарь Парбец и, наконец, «отец армянской истории» — Мовсес Хоренаци.

Это блестящее созвездие летописцев и рассказало нам о раннем периоде истории армянского народа и о героических страницах его освободительной борьбы против Сасанидской Персии в V веке. Корюн — жизнеописанием своего великого учителя, Агатангехос — своим трудом о распространении христианства в Армении и его превращении в государственную религию, Фавстос — своими описаниями героической освободительной борьбы армянского народа против персидских захватчиков в IV веке, Парбец — историей армянских освободительных войн V века и, наконец, «отец армянской истории» Хоренаци — титаническим трудом «Историей Армении», этим бессмертным творением, воплотившим в себе фундаментальный рассказ о всей армянской истории с древнейших времен до середины V в. — и заложили основу богатейшей армянской литературы.

Эти труды историков V в. по своей высокой языковой культуре, стройной структуре, содержательным материалам стали образцом для армянских писателей последующих поколений.

Таким образом, в V в., после создания национальной письменности литература талантливого армянского народа сразу стала переживать период необычайного бурного расцвета и подъема.

Вместе с тем алфавит, изобретенный Месропом Маштоцем, стал мощным оружием в руках армянского народа в борьбе против чужеземного ига и опасности ассимиляции.

Несмотря на крайне неблагоприятные политические и социальные условия в последующие исторические периоды, особенно после утраты Арменией политической независимости в XI веке, армянская литературная традиция, созданная в V веке, не прерывалась.

Однако арабское, тюрко-сельджукское, монголо-татарское, персидско-турецкое длительное и тяжелое иго в Армении имело катастрофические последствия не только в общественно-экономической сфере, но и в культурной жизни страны. Разрушения, произведенные иноземными захватчиками, истребление и

периодический массовый угон из страны населения, опасность ассимиляции, жертвой которой явились некоторые соседние с Арменией народы, иностранное господство и бесконечные войны, которые велись на территории страны чужеземными государствами — все это самым пагубным образом отразилось на искусстве, литературе и на всей культуре армянского народа.

Но даже в таких страшных условиях существования армянского народа его животворный творческий родник никогда не иссякал. Армянские авторы, презрев все опасности и лишения, в сырых монастырских кельях или в отшельнических пустынях, в средневековых школах и академиях, пользуясь бессмертными месроповскими письменами, непрестанно обогащали вековую культуру родного народа.

Они оставили нам огромное и замечательное наследие в самых различных отраслях науки, литературы и искусства. Многое из этого богатейшего наследия, к сожалению, навсегда утеряно. Много тысяч ценнейших рукописей погибло во время войн и иностранных нашествий, многие из них уничтожены варварскими руками завоевателей. И до нас дошла лишь небольшая часть этих бесценных рукописей и отдельных фрагментов из них, —

патариков — всего несколько десятков тысяч, относящихся к различным историческим периодам.

Из сохранившихся рукописей и патариков более десяти тысяч находятся сейчас в Ереванском Матенадаране, в хранилище, значение которого выходит далеко за национальные армянские рамки.

Хотя со дня рождения гениального Месропа Маштоца прошло 1600 лет, имя его вечно будет жить, пока жив армянский народ, его вековая культура. Его имя с благодарностью произносится особенно в наши дни в советское время, ибо мы, его далекие потомки, ценим и дорожим наследием, оставленным всеми передовыми представителями культуры армянского народа.

Среди этих деятелей культуры прошлого Месроп Маштоц по праву занимает исключительное место. В его великом творении находятся истоки нашей древней и богатейшей литературы, это его «железные письмена», оживая на страницах пергаментных рукописей, повествуют об историческом прошлом нашего народа, о героических битвах за свободу и независимость родины. Наследие Месропа Маштоца бессмертно.

**Степан Тигранович Мелик-Бахшян и
Тадевос Хачатурович Акопян**

МЕСРОП МАШТОЦ

Редактор А. Н. Саркисян
Худ. редактор Г. Худикян
Техн. редактор Е. Ахирян
Корректор Э. Оганян

Заказ 141

Тираж 3000

Сдано в набор 18/XII—1961 г.

Подписано к печати 24/III—1962 г.

Бумага 70×92¹/₃₂. Печ. лист. 3,75, уч.-изд. 1,9 лист.

Цена 20 к.

Типография № 1 Главного управления издательств и
Полиграфической промышленности Министерства Куль-
туры Арм. ССР, Ереван, ул. Алaverдян 65, 1962 г.

